

Виктор Куркевич

История Киева

Киев
имперский

Виктор Киркевич
История Киева.
Киев имперский

Серия «Библиотека киевлянина»

Серия «История Киева», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44774192

*История Киева. Киев имперский / Виктор Киркевич; худож.-
оформитель Е. А. Гугалова-Мешкова: Фолио; Харьков; 2019*

ISBN 978-966-03-8668-6

Аннотация

Третья книга проекта «История Киева» называется «Киев имперский» и посвящена истории этого города и всей Украины от середины XVII века (Переяславская Рада) до правления Александра II, когда Россия фактически сформировалась как империя. По образному выражению Виктора Киркевича, он хотел рассказать современному читателю, «как Киев стал московским», как случилось, что Украина утратила кровью добытую государственность и как Гетманщина постепенно превратилась в окраину Российской империи. Но даже тогда Киев не потерял своей культурной самобытности и остался наиболее притягательным и почитаемым духовным центром империи. О

Петре I и Мазепе, о Кирилле Разумовском – последнем гетмане Украины и о других замечательных людях, которые жили в этот период и прославили Киев, повествует эта книга.

Содержание

История Киева. Люди и судьбы Города от XVII века до второй половины XIX века	6
Как Киев стал московским	19
Радости и неприятие Переяславской Рады	19
Сильвестр Косов	42
Алексей Михайлович – первый царь для киевлян	54
Киев во второй половине XVII века	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Виктор Киркевич

История Киева.

Киев имперский

© В. Г. Киркевич, 2019

© Е. А. Гугалова-Мешкова, художественное оформление, 2019

© Издательство «Фолио», марка серии, 2015

*Никто так не изменил историю человечества,
как историки.*

*Когда выдумка несколько раз пересказана, она
становится реальностью.*

*Жизнь прекрасна, если не вспоминать прошлое и
не думать о будущем.*

История Киева. Люди и судьбы Города от XVII века до второй половины XIX века

К моим читателям.

Описывая недавнее прошлое, испытываешь недостаток информации, которой считаешь возможным доверять. В этом случае всегда существует опасность немного отойти от фактов в сторону свободной интерпретации, лишь бы она не была скучной. Я пишу свои произведения, опираясь на вполне серьезную литературу. Причем пишу только часть того, что знаю, для пользы книги выбираю наиболее занимательную информацию. При этом стараюсь больше рассказывать о людях, чем пересказывать исторические процессы, которые и так постоянно на слуху. Читателю легче выразить антипатию к определенным персонажам, чем по отношению к социальным течениям и формациям. Если в первых двух книгах я больше внимания уделял «людям и годам», то в периоде, описываемом в этом томе, больше сведений из научной и художественной литературы, воспоминаний, полных житейских фактов. Поэтому в качестве иллюстраций больше используется портретная живопись. А это уже документы. События, происходящие 100–200 лет тому назад, исторически более выверены, чем подводные политические течения 15-

летней давности. Не думаю, что на этом отразились временные искажения. Но вначале разберемся, что такое время. Насколько оно нам подвластно? Это сочинители песен о «строителях коммунизма» считали, что покорили его, что получили возможность поворота вспять сибирских рек или что изобрели «мирный атом».

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо договориться, что именно мы будем понимать под временем. Вариантов множество. Астрофизик будет использовать это понятие для того, чтобы объяснить феномен расширения Вселенной. Биолог понимает время как жизнь, а историк – как смерть. С точки зрения классической физики, время – отдельное измерение, абсолютное и независимое от материального мира. Эйнштейн же признал, что время относительно и зависит от наблюдателя. А мне кажется, что оно уходит так быстро, потому что ему с нами неинтересно.

«Время идет медленно, за ним следишь... оно чувствует слезку. Но оно пользуется нашей рассеянностью. Возможно даже, что существуют два времени: то, за которым следим, и то, которое нас преобразует», – писал Альбер Камю. Но вспоминается услышанное когда-то: если всё время хотеть, на мочь уже не остается времени.

Время было всегда прерогативой власти. Календарь находился в сфере влияния сильных мира сего и служил идеологическим, политическим и религиозным оружием. Современные города – особый мир, сконструированный по ана-

логии с механизмом часов и календаря. Повсюду расставлены капканы и ловушки. Циферблаты часов украшают культовые места: центральные площади, административные здания, храмы, столы для переговоров. Отмечая Новый год, люди слушают бой курантов. А в старом Киеве в полдень стреляла крепостная пушка. Время – оно хитрое. Оно всех догонит и всем покажет, что нет коварнее палача и мудрее лекаря, чем время.

Объективное время, которое было когда-то великой идеей, с каждым днем теряет своих приверженцев. Однородное, неделимое, абстрактное время всемирной истории – успокоительная символика предопределения и судьбы. Прообраз безвременья – периода, когда время течет по каким-то иным, непривычным законам, можно обнаружить в любом календаре мира. В так называемое «свободное время», во «время праздника» или «карнавала», все правила отменяются. Время сходит с ума, пытаюсь посмотреть на себя со стороны. Воланд изрек: «Час расплаты настал!» Михаил Бахтин, философ и теоретик искусства, предложил для объяснения этого феномена концепцию карнавализации. В центре этой концепции идея о том, что бинарные оппозиции перевернуты во время карнавала. Королем карнавала становится шут, мужчины надевают маски женщин, женщины – мужчин, а вместо благочестивых слов слышится площадная брань. «Маскарад» Лермонтова – история о невозможности возвращения к жизни после карнавала. Стихия карнавала захлестыва-

ет Москву в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» – сначала представление в Варьете, а затем сатанинский бал. Как у Макаревича: «...лица стертые, краски тусклы...». Если у Лермонтова это трагедия, у Булгакова – сарказм, при этом – нечто шутовское, переходящее в фарс... Но карнавал – не безвременье, а особое, всё позволяющее время. Давно замечено, что посредственность озабочена тем, как убить время, а талант – как бы время использовать!

Главный праздник обновления времени – это, безусловно, Новый год. Изначально он был связан с празднованием урожая. В этот день римляне, которые и приучили отмечать Новый год 1 января, приносили жертвы двуликому богу Янусу – богу входов и выходов, дверей и всех начал. Бога Януса изображали с двумя лицами: одно смотрело вперед, а другое – назад. Это являлось символическим изображением его срединного положения во времени. Своеобразный миг между прошлым и будущим. «Есть только миг между прошлым и будущим...» – поется в популярной песне и предлагается держаться за этот «миг», что мы и стараемся делать. Подобно двуликому богу Янусу, который смотрит и в прошлое, и в будущее, мы являем собой хрупкое равновесие между жесткой структурой и текущей природой, а потому способны балансировать на лезвии времени. Для этого и пишутся исторические произведения (и мои, в частности)! Любое прошлое можно сделать темным, если его правильно осветить. Я, как оптимист, стараюсь сделать наоборот, так как уверен

– времена не выбирают, в них живут и умирают.

Хотя цитаты не делают нас умней, они заставляют задуматься. Поэтому напомним три мысли Элеоноры Рузвельт:

«1) Великие умы обсуждают идеи, средние умы обсуждают события, а мелкие – людей. 2) Счастье – это не цель, это побочный продукт. 3) Делай то, что тебе хочется. Потому что тебя в любом случае будут критиковать. Будут ругать, если ты сделал это, и будут ругать, если ты этого не сделал».

Описывать минувшие события нашего Отечества, анализировать их – одно удовольствие. Это вам не история Швеции, Франции или Англии. Здесь всё свое, родное, до острой боли знакомое! В нашей стране при коренном изменении социальных формаций ничего не меняется. Воровали при царе – расхищали и при коммунистах. Все плакаты тех лет пестрели карикатурами на расхитителей социалистической собственности. Только масштабы краж другие: их объемы зависели от попустительства партийных органов. Когда Украина стала независимой, от народа уже тем более ничего не зависело. Несмотря на то, что каждая правящая группа утверждает, что она лучше ушедшей, предыдущей, мы постоянно видим и чувствуем обратный результат.

Спираль истории при повторении становится всё круче и «круче». В европейских странах властные структуры имеют много прав, но имеют и совесть, ответственность перед народом. У нас князья убивали друг друга за власть (см. первую

и вторую книги цикла), чиновники воровали и притесняли купцов (об этом пойдет речь в третьей и четвертой книгах)... Ничего не изменилось.

Может ли народ любой из европейских стран, исключая СНГ, позволить такую беспардонную ложь, казнокрадство, обман своих граждан?! В любой стране – Польше, Латвии, Германии – привыкли из ошибок прошлого делать выводы, научились исправлять промахи, выходить из тупиковых ситуаций. А у нас читаешь о мздоимстве московских дьяков, путавших свой карман с государственным, о воровстве чиновников, казнокрадстве царских губернаторов, держиморд-полицейских и... видишь сегодня то же самое, но еще в бóльших масштабах. Как будто ничего не меняется со временем... Современные «власть предержажие», скорее всего, истории не знают, книг не читают и не делают соответствующих выводов. А ведь многие их предшественники плохо кончили.

Национальный характер – собрание общепринятых предрассудков народа о самом себе. А вот яркая черта жизни народов – это их привязанность, поэтическое восприятие, своеобразный культ своих старых исторических центров. Париж, Лондон, Рим, Краков, Вильнюс, Стокгольм – для их граждан не просто средоточие экономической и культурной жизни, организационно-политические центры, очаги гражданского строительства – это величественные реликварии их национальной жизни, светочи негасимой коллективной

энергии, живые музеи прошлого, которые продолжают жить. А как у нас с этим обстоит дело? Как человек, который специализируется на исторических экскурсиях по Киеву, должен заметить, что наших соотечественников тоже интересуют воспоминания величественные и героические, романтические и сентиментальные, анекдоты и рассказы, связанные с памятниками и местами, курьезы, особенности быта и обычаев. Это волнует современников как свидетельство вечного, человеческого, неумирающего, бесконечно близкого, не считающегося с отдаленностью времени, с глубокой разницей в идеологиях, пониманиях, настроениях и критериях сегодняшнего дня. Отдаленность стирает остроту ушедших конфликтов и перебрасывает мостики понимания через идеологические различия, хотя, безусловно, каждый читатель, в соответствии со своими симпатиями, интересами и представлениями находит образы, события, ситуации, особенно близкие, созвучные и интересные именно ему. Но, в той или иной степени, всех интересует общее, если можно так выразиться, временное окружение. Надо только придерживаться критериев истинности, приступая к изложению.

Отдельно, в виде притчи, остановлюсь на понятии правдивости изложения. Однажды знаменитый греческий философ Сократ встретил знакомого, который сказал:

– Сократ, знаешь, что я только что услышал об одном из твоих учеников?

– погоди, прежде чем ты мне это расскажешь, я хочу про-

вести небольшой экзамен, который называется «испытание тройным фильтром». Было бы неплохо, чтобы ты минутку подумал и профильтровал то, что ты собираешься мне рассказать. Первый фильтр – на правдивость. Ты абсолютно уверен, что то, что ты собираешься мне рассказать, является абсолютной правдой?

– Нет, Сократ, я услышал об этом от одного знакомого и решил...

– Значит, ты точно не знаешь, правда это или нет. Тогда давай применим второй фильтр – добродетель. То, что ты собираешься мне сказать о моем ученике – это что-нибудь хорошее?

– Нет, как раз наоборот...

– Итак, ты хочешь мне сказать о нем что-то плохое, но ты не уверен, правда ли это. Однако ты по-прежнему можешь пройти испытание и сообщить мне эту информацию, если она пройдет через третий фильтр – полезность. Принесет ли мне то, что ты собираешься рассказать, какую-либо пользу?

– Скорее всего, нет...

– Таким образом, если ты собираешься рассказать мне что-то отрицательное, неправдивое и бесполезное о моем ученике, то зачем это рассказывать вообще?

– Да, Сократ, ты как всегда абсолютно прав.

Именно поэтому Сократа считали великим философом и за это уважали.

В этой книге будет немало персонажей, для которых честь

была превыше всего. Эпоха рождала немало поборников чести. У В. Даля читаем: *«Честь – нравственное внутреннее достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть».*

«Внешнее доказательство отличия; почет, почестъ, почитение, чествованье, изъявление уважения, признание чего-либо превосходства».

«Достойные уважения и гордости моральные качества и этические принципы личности; хорошая незапятнанная репутация, доброе имя».

Потом пришло другое время и другие понятия: *«В социалистическом обществе имеет место национальная, профессиональная, отчасти классовая честь (которая имеет в своей основе лишь трудовой характер), а также коллективная и индивидуальная честь. Последняя связывается с личными достоинствами человека, в основе которых лежат его реальные заслуги перед другими людьми или перед обществом».*

О другом близком понятии Даль пишет так: *«Достоинство – стоимость, ценность, добротность, степень годности».* *«Достоинность – приличие, приличность, соразмерность, сообразность; чего стоит человек или дело, по достоинству своему».*

Наше время стирает точность определений, поэтому теперь достоинство определяется как *«категория эстетики, отражающая моральное отношение человека к самому себе».*

и общества к индивидууму... Аналогично понятию чести».

И. Ильин в статье «О рыцарском духе» подчеркивал: *«Во всей великой смуте наших дней, среди крушений, бед и утрат, в раздорах и соблазнах мы должны помнить одно и жить одним: поддержанием и насаждением духа рыцарского служения. Ибо этот дух есть как бы воздух и кислород русского национального спасения. Вне рыцарского духа национального служения – всё бесцельно, всё тщетно, всё вредно. Вне его никто ничего не освободит и не возродит, а создаст только новый раздор, новую смуту и новую гражданскую войну на погибель России и на радость ее исконным и всемирным врагам».* Тут я, дорогой читатель, рекомендую взять паузу и призадуматься!

А как хорошо сказал Шота Руставели: *«Будь не только сыном своего отца, но и сыном своего народа».* Поэтому меня интересуют не только «преданья старины глубокой», но и вчерашний, а еще более сегодняшней день. Мои размышления касаются всех временных пластов моего горячо любимого Города. Меня интересует не столько архитектура Киева, как те, кто тут жил и какие поступки совершал. У меня есть свои предпочтения: кое-кого я прощаю, а кого-то из описанных ниже героев – нет. Для полного прощения всем нужно пройти Суд Господень. А он для всех, совершивших преступления перед Городом и его обитателями, неотвратим.

Наш прекрасный Киев, в отличие от других древних городов, сильно пострадавший, постаревший, покрытый мор-

щинами, освещается яркими лучами разных эпох – от бесконечно далекого до недавнего прошлого, непосредственно связанного с нашими современными проблемами и достижениями. Чувственное отношение к ушедшему проявляется в многочисленных примерах собирания, описания и реставрации памятников прошлого, независимо от того, что перед нами: старая открытка или доходный дом.

В предыдущих частях «Истории Киева» я опирался на свидетельства летописей, хроник и археологического материала, недостаток которых приходилось восполнять утверждениями и выводами разных ученых, тщательно изучавших тот период. С этой частью было легче работать, так как сохранились различные указы, записки, литературные свидетельства, которые дают возможность показать описываемый период более зримо. Мне хочется и в последних двух книгах выступить историком-рассказчиком, ярко и образно выписать страницы истории своего города, на которых постепенно раскрывается развитие Киева со времен присоединения Украины к Московии и до распада императорской России. Показать характерные моменты политической, социальной и культурной истории древнего города, его топографию и монументальные памятники старины, его культурные и просветительские организации. Рассказать о героях и их антиподах, сыгравших важную роль в историческом процессе.

Это в советское время было принято писать только о хоро-

ших людях, поэтому становилось непонятно, с кем они боролись за «светлое будущее». Пишу, используя свое богатое собрание книг по истории, мемуарные сборники, коллекционные материалы, подбирая воспоминания современников, которые освещают, делают более зримой общую эволюцию киевской жизни, во многом отражающей переживания страны. Киев можно назвать нервным центром, который на протяжении долгого времени руководил культурной, общественной и интеллектуальной жизнью многонациональной страны. Перед вами пройдет длинная череда имен и событий, и только некоторым личностям будут посвящены отдельные очерки. Я расскажу не только о персонах, но и событиях, достаточно важных, однако мало освещаемых официальными историками, которые зачастую в угоду власти искажают историческую перспективу.

Сначала я хотел разделить эту книгу на несколько разделов (в соответствии с определенными временными отрезками), а именно:

Раздел 1. Киев во второй половине XVII в.;

Раздел 2. XVIII в. в Киеве;

Раздел 3. Первая четверть XIX в.;

Раздел 4. Вторая четверть XIX в.

Но передумал, представил, как отобьет охоту к чтению такое «сухое», почти математическое, оглавление. К тому же указанные границы даны приблизительно, потому что в каждом периоде органично переплетаются конец предыдущих

и начало последующих событий. Тем не менее, постараюсь описать вереницу самобытных явлений, сохранивших и раскрывающих исторические и этнографические основы жизни моего города и его окрестностей.

Итак, в путь, который окажется не всегда прямым и логичным, часто с неизбежной путаницей и перескакиванием с одного события на другое, да, но будет все-таки полезным и, гарантирую, увлекательным.

Как Киев стал московским

Радости и неприятие Переяславской Рады

Киев – как средоточие национальной, политической и религиозной жизни Украины – обрел вновь особое значение при Богдане Хмельницком, который справедливо считал, что только из Киева можно править всей Украиной, с гордостью, после первых же побед, заявляя: *«Мой Киев! Я господин и воевода Киевский!»* В 1649 году состоялся торжественный въезд гетмана через Золотые ворота, пусть и полуразрушенные. В то время они сыграли роль Триумфальной арки, несмотря на щербины от меча Болеслава! От Софии навстречу победителю поляков вышло всё духовенство во главе с митрополитом Сильвестром и Иерусалимским патриархом. Восторженными криками народ приветствовал Хмеля. Песнопения и «вирши» киевских студентов перекликались с украинскими героическими думами. Спустя год после Зборовского соглашения славный Богдан вновь повел себя как правитель освобожденной страны. И сейчас для многих граждан Украины непонятно, почему гетман Богдан Хмельницкий не провозгласил Украину независимой, прекрасно

зная, что его народ не желает жить в Речи Посполитой? Напрасно православный киевский воевода Адам Кисель, понимая, что под Москвой будет плохо, пытался добиться автономии украинского казачества в пределах Польши. Это было невозможно из-за упрямого нежелания панов и шляхты отказаться от безраздельного властвования на украинских землях и признать равноправие православных. Так воинственная, с боевым задором шляхта, не одно столетие боровшаяся с врагами своей земли и самобытности, вдруг вспомнила о вере, увидав разницу в гвоздях распятия – «три или четыре» – начала жестоко и яростно убивать друг друга. Вот он – истинный гвоздь преткновения! Шляхта, которая всегда была украинской, так как защищала свою КРАИНУ, вдруг выяснила, что среди них есть православные и католики! Православные стали казаками, а католики остались шляхтой, а ведь жили на одной земле! Имели похожее воспитание, «восточное», а не «западное»! Вера, которая давала Надежду и Любовь, потеряла мудрость – Софию – из-за крестного знамения: двумя или тремя перстами! А ведь эти «лыцари степу», став зависимыми от незначительных атрибутов, убивая друг друга, подорвали силу и мощь своей земли, лишив ее возможного *светлого государственного будущего*, украинцы – так и не получив его, а поляки – через столетие потеряв надолго... И сейчас, обвиняя друг друга в трагических ошибках 1920–1930 годов, можем раскачать хрупкую «лодку исторического прогресса» с таким трудом полученной Незави-

симости.

Кто в этом виноват?! Рим могучий, но ненасытный! Католическая экспансия на Восток. Но не на Ближний – там сильны турки, а на украинские земли, которые вроде бы их, но, если разобраться, – и не их вовсе. Всё уперлось в расхождение в догматах. Государство Речь Посполитая имело католического короля, но в ней не все были паписты: имелись ариане, лютеране, кальвинисты, но самыми страшными для ксендзов были схизматы, – среди них нет богатых, ну, почти нет, и они необразованы... Короче, «быдло»! Почему им не навязать знания и единственную правильную, истинную веру и отца – Папу, который из Рима позаботится об «окраинных», ограниченных людях... У которых нет школ, мало ученых, грамотных священников, да и храмов почти нет... Те, кто пошустрее, уже признали верховенство Папы после Брестской унии. Потеряв честь, старались не уронить достоинства. Остались самые упрямые, но к этим можно применить натиск и силу... И запылали не костры инквизиции, а крестьянские украинские хаты... Мещан трогать боялись, они были организованы, вооружены, у них были школы... Тут шляхта встрепенулась и стала выяснять, чью сторону выбрать... У схизматов денег не было, а у магнатов – много, да и финансовые потоки щедро полились из Рима. Стать католиком оказалось выгоднее... А шляхтич был во все времена ответственным: если начал служить хозяину, то исключительно верой и правдой. Так русько-литовско-польский

шляхтич растерял первые две свои составляющие и стал чисто польским. И хоть не запятнал свое звание трусостью и предательством, но последующие поколения российских и украинских писателей и историков сделали свое дело – имя шляхтич, с прилагательным «польский», получило антиправославную, антиукраинскую, антинародную окраску, которую не отмыть, да и зачем это было власть предержащим? Шевченко в «Гайдамаках» с неприкрытой болью пишет о Гонте, убившем своих детей, получивших воспитание не в той вере: *«Та благайте, просіть Бога, нехай на сім світі мене за вас покарає, за гріх великий. Просіть, сини! Я прощаю, що ви католики»*. Эта трагическая коллизия повторяется и у Гоголя в «Тарасе Бульбе». Как неприятны сегодня споры о том, на каком языке говорить! Главное – любовь к Украине, национальная идея, а на каком языке она выражена – не так важно! Умели же в XVI веке любить Украину на латыни! На старославянском о любви тогда не писали.

Тому, кто глубоко изучил этот период войн украинцев с поляками, понятны причина и корень обид, а народу, по большому счету, всё равно, какого вероисповедания его сосед! Я не принадлежу к числу людей, считающих, что им не повезло с погодой, соотечественниками, эпохой и страной, поэтому и горжусь тем, что живу в Украине.

Когда пишутся эти строки, лучшие сыны и дочери народа обороняют свою страну от агрессии. А пять лет назад они защищали свой язык, стояли, митинговали, даже голодали

возле Украинского дома в Киеве. Их понимали и поддерживали: закон, который с нарушениями приняли в Верховной Раде, был провокационным, его принимали по указке. Это не была защита русского языка и культуры. За закон боролись не «ревнителю», а хулители, не знающие его и не читающие книг на русском языке, который отличается от «советского языка» (меткое сравнение В. Новодворской). Это грязная политика и непонимание привели к средневековой смуте, от описания которой я оторвался... Закончу свои размышления, отвлеченные от XVII века, так: «Русского дома», откуда бы шло распространение достижений великой русской духовности – литературы и искусства – в Киеве нет!

365 лет назад Хмельницкий, хитрый политик и мудрый дипломат, рассчитал, что создать самостоятельное Киевское Великое княжество не представлялось возможным. В беспрерывной войне со шляхтой победителями чаще выходили казаки. Политика Крымского ханства была очень изменчива, а сама Украина не могла взять верх – на стороне Польши был весь католический мир. Для обеспечения постоянной помощи в борьбе за свои права Украине необходима была поддержка независимой державы. Для XVII в. государственный суверенитет был тождествен персоне законного, почитаемого монарха. Иного понятия просто не существовало. Славный Богдан при всей своей власти и популярности не имел такого признания, которое могло сформироваться только у

его внуков и правнуков, то есть в случае существования династии. Даже «пихаті» польские магнаты для исполнения роли законного короля приглашали претендентов из Венгрии (Баторий) или Швеции (Ваза), вели переговоры с московскими царями и боярами. Вопрос о самоопределении украинских земель не стоял, потому что казачество на то время не понимало созидательного государственного строительства. Нужен был монарх, который смог бы обеспечить вновь сформированному и автономному обществу необходимую законность и защиту.

Самым подходящим был турецкий султан, достаточно сильный, чтобы защитить Украину от нападений, а удаленность его столицы исключала бы постоянное вмешательство. Определенные шаги в этом направлении были предприняты, и в 1651 году, после обмена посольствами, Оттоманская Порта формально признала своими вассалами гетмана и Войско Запорожское на тех же условиях подчинения, которые были у Крыма, Молдавии и Валахии. Но из-за распространенного среди православных неприятия «басурман» и внутренних неурядиц в самой Турции это соглашение стало фикцией и потеряло смысл. Более подходящим на роль покровителя Украины по всему стал царь Алексей Михайлович. Он – один из немногих царей – добрый и незлопамятный, считался «тишайшим» и истинно верующим, поэтому мудрый Богдан полагал, что с ним поладит, а московский самодержец не будет гнобить народ, который «волит под ца-

ря единого православного». Надеясь на незыблемость существующего положения вещей, гетман не мог представить всю алчность и ненасытность бояр, властолюбие грядущих российских монархов, которые, получив богатые и многолюдные земли, возомнили себя императорами, а из своего государства от Прикарпатья до Якутии стали формировать империю, включая в нее племена многих вероисповеданий и разные земли.

Как ни странно, сначала Москва особого желания принять Украину не изъявила. Держать в своем государстве таких подданных, как украинские казаки, она просто побаивалась, особенно после похода Петра Сагайдачного в 1618 году. В памяти старшего поколения были рейды казачьих ватаг по глубинкам царства. Но святой Киев – «Мать городов руських!» – очень уж хотелось видеть у себя. Там находилось столько православных святынь! После Переяславской Рады в состав Московии попала лишь незначительная часть земель современной Украины. Территория, которая была под контролем украинского казачества, в состав Московии не вошла.

Богдан Хмельницкий неоднократно обращался с предложениями присоединения к будущему «старшему брату». Так, в 1651 году гетман вместе с писарем Выговским посылал наказного полковника Полтавского полка Ивана Искру с тайной миссией в Москву, чтобы *«він побачив царські очі»* и передал ему: *«...если царское величество гетмана и всё Вой-*

ско Запорожское под свою властную руку принять не захочет, то их Бог рассудит. Казаки ни одному государству в подданство не поддадутся, венгерскому и крымскому правителям больше не верят, потому что они больше берут сторону польского короля, а к ним, казакам, относились неискренне. Теперь столько сил у казаков будет, что они крепко будут стоять против своих неприятелей, и отчизны своей и церкви Божьей не отдадут!» Но Москва по-прежнему действовала предельно осторожно, опасаясь принять новых подданных. Ощувив большие потери в войне с Польшей, москвиты терпеливо выжидали, когда казаки и шляхта в своих постоянных стычках и сражениях не уничтожат друг друга, чтобы после этого завладеть обессиленной страной.

К 1653 году положение в Украине очень ухудшилось, оставалось только два выхода: или быть под чужим протекторатом или подчиниться Польше и распустить казацкое войско. Последнее решение больше всего не устраивало жителей Украины: за что тогда кровь православную проливали? Сокровенной мечтой каждого украинского юноши было стать членом славного запорожского рыцарства. А тут подчиниться ляхам!

Москва постоянно ощущала угрозу татарско-турецкого нападения, в составе войск которых всегда находились казацкие ватаги. Алексей Михайлович дал указание собрать Земский собор, чтобы получить одобрение на начало войны «за царскую честь». Но собор, состоявшийся 25 мая, ничего кон-

кретно не решил: мол де это хорошо и нужно, но не время. Зачем нам этот вольный украинский люд? Что произошло, нам известно из письма царя: *«Да будет вам ведомо: был собор на седьмой неделе в среду мая в 25 день и мы, Великий Государь с отцом своим и богомольцем Никоном патриархом московским и всея Руси, на том соборе многое время разговор чинили, и всех чинов людей допрашивали, – принимать ли черкас? И о том из всяких чинов и с площадных людей все единодушно говорили, чтоб черкас принять. И мы, Великий Государь за то, что они хотят располительными и самохотными сердцами нам служить, милостивым своим сердцем похвалили. И они, слыша наши милостивые государевы слова, наипаче обрадовались»*. Далее в послании сообщалось, что вопрос о присоединении будет решаться позднее. Но события развивались так стремительно, что 22 июня 1653 года Алексей Михайлович срочно послал сообщение о том, что берет Войско Запорожское «под свою руку» и собирает ратных людей ему в помощь для защиты «христианской веры».

В ноябре того же года московская делегация – Бутурлин, Алферьев, Лопухин – приехала на границу в Путивль и ждала указания на въезд на территорию Речи Посполитой. Основной причиной задержки было «образцовое письмо» – содержание церемониальных выступлений и «присяжные записи» – текст протокола присяги, которую должен давать украинский люд в случае перехода под московский протек-

торат. Этому придавали особое значение. Нужно было сделать всё поделикатнее, чтобы закабалить и при этом не обидеть. Текст неоднократно переписывали, посылая из столицы вдогонку всё новые и новые инструкции и варианты. Только в канун Рождества посольство добралось до Переяслава, где их встретил полковник Тетеря. Гетмана при этом не было. По словам полковника, «он не может перебраться через Днепр – лед пошел». На самом деле хитрый Богдан, получив от короля Яна Казимира обещанные заверения в вольности и автономии, стал задумываться о целесообразности вхождения в другое государство. Но сведения о том, как бояр чествовал народ в Переяславе и в населенных пунктах по пути к нему, перевесили его нежелание менять подданство.

Тем временем в переяславском соборе протопоп правил службу со своим московским коллегой – диаконом церкви Благовещения. Они оба провозглашали многолетие Алексею Михайловичу и всей его семье, и *«многие люди мужского пола и женского радовались и молились Богу, чтоб дал им быть под царской рукой»*. А потом все в совместной процессии направились «на Йордан», которым в очередной раз стал Днепр.

Только 8 января появился гетман и начали съезжаться полковники – из Киева был Явтух Пишко. Сообщения московских послов стали главным свидетельством этих событий. Они полностью напечатаны в «Актах Юго-Западной Руси». Вот некоторые фрагменты: *«Была у гетмана тайная*

рада с полковниками, судьями и войсковыми есаулами, которые под высокую царскую руку поклонились». После этого было приказано бить в барабаны и собирать народ. А когда собралась «велика сила всякого чину людей», гетман стал в круг и есаул приказал молчать. Обращение Богдана и реакцию народа привожу полностью:

«Панове полковники, есаулы, сотники и всё Войско Запорожское и все православные христиане! Известно вам всем как Бог освободил нас от врагов, что преследуют церковь Божью и кривдят всё христианство нашего восточного православия. Шесть лет живем мы на нашей земле без хозяина – в беспрестанных и кровопролитных войнах с гонителями и врагами нашими, что хотят уничтожить церковь Божию, а также чтобы имя руськое не вспоминалось на земле нашей. Это всем нам надоело, и мы видим, что не можем дальше жить без царя. Поэтому ныне собрали мы всеобщую народную раду, чтобы выбрать себе хозяина, кого захотите из четырех.

Первый – царь турецкий, много раз звал нас под себя через своих послов. Второй – хан крымский. Третий – король польский: если этого захотим, то и теперь он готов нас ласково по-старому принять. Четвертый – православный государь Великой России, которого шесть лет беспрестанно к себе выпрашиваем. Выберите, кого хотите! Турецкий султан – басурман, всем известно, какую беду терпят наши братья православные греки, как притесняют их безбожники. Крым-

ский хан тоже басурман, поневоле получив его в приятели, мы накликали много бед! А какая неволя, какое нещадное проливание христианской крови и притеснение получили мы от польских панов, этому никому из нас не нужно рассказывать: вы знаете, что для них был лучше жид и пес, чем христианин – брат наш. Православный же великий государь, царь восточный, одного с нами грецкого закона, мы с православными Великой России одно тело церковное, которое возглавляет Иисус Христос. Этот великий государь смилостивился над несносными кривдами православной церкви нашей Малой России. Не отказав нам шестилетних просьб, он снизошел до нас своим милостивым царским сердцем и прислал к нам своих больших близких людей с царской лаской. Когда мы его искренне полюбим, то кроме его большой руки мы получим благополучное пристанище. А если кто с нами не согласен, тому – куда захочет – вольная дорога!»

«На эти слова весь народ закричал: „Волимо под крепкой рукой царя восточного православного в нашей благочестивой вере умирать, чем ненавистнику Христовому поганому достаться!“ Потом полковник переяславский Тетеря, обходя круг во все боки, спрашивал: „Все так считают?“ Изрек весь народ: „Все единомушно!“ Тогда гетман сказал: „Пусть так и будет! Пусть Господь укрепит нас под крепкой царской рукой!“ Все присутствующие начали вслед за ним кричать: „Боже утверди, Боже укрепи, чтобы мы все навеки единомушнные были!“»

Богдан Хмельницкий, произносящий речь в Переяславле 6 января 1654 года. Худ. Шарлемань, кон. XIX в.

Понятно, что это описание события в Переяславле неоднократно редактировали и исправляли москвофилы, поэтому еще в 1822 году у Бантыша-Каменского в его истории, вместо «Московии» появилась «Россия», вместо «Украины» – «Малая Россия», но так как первоначальный вариант этого текста до нас не дошел, ограничимся тем, что есть.

После такого «единодушного» согласия условно примем, что так и было, можно было доносить в Москву о благопо-

лучном окончании дела, но тут... Нет, давайте остановимся на этом подробно. Так вот, в тот момент, когда Бутурлин с боярами и московским дьяком приготовились принимать присягу, Богдан сказал: *«Пусть Бутурлин с товарищами за присягают за московского царя следующее: „Что он, государь, гетмана Б. Хмельницкого и всё Войско Запорожское польскому королю не отдаст и за них будет стоять, вольностей не нарушит, сохранит права и имущества и подтвердит это своими царскими грамотами“»*. Бутурлин начал категорически отказываться, считая, что это казаки должны присягать царю, а не он им! На что Хмель, багровея, ответил, что польские короли присягают своим подданным. Московиты, тоже выходя из себя, начали кричать, что «непристойно» царю-самодержцу давать подданным присягу, вполне достаточно одного его *«доброе слово»*. На что полковники сказали свое веское слово: *«Гетман и мы доверяем, но казаки не верят и хотят получить присягу от вас – за царя!»* Увидав упрямство московитов, казачество решило на первый раз поверить, и присягнуло царю. После этого на соборном дворе, согласно с царской инструкцией, произошла передача гетману регалий власти, а именно: хоругви, булавы, кафтана и шапки. Тексты торжественно читали по писаному и утвержденному в царском приказе тексту. Речь боярина была настолько длинной, что слушатели уже в середине потеряли нить, а в конце и смысл провозглашенного. При передаче булавы было сказано: *«Царь передал, пусть гетман*

счастливо властвует над благочестивым войском и всеми людьми». Вручая «ферязь», то есть символическую верхнюю одежду, которая надевалась поверх кафтана, Бутурлин пояснил ее смысл как символ царской опеки над Украиной. Он был в следующем: «Царь имеет в гербе орла и как орел хочет покрыть лаской свое гнездо и своих птенцов – город Киев с другими городами, что когда-то были гнездом его царского (гербового) орла, и с ними принять под оборону своих верных птенцов, что были в свое время под державой своих благочестивых царей».

И как это пошло еще от монголов-завоевателей, Богдану Хмельницкому Алексей Михайлович передал меховую шапку, потому что она должна была быть охраной гетманской голове, «наделенной от Бога высоким разумом, чтоб промышлять про оборону православия». Под этим головным убором «Бог хранил голову в здоровье и всяким разумом ее наполнял на хорошее управление православным войском, ибо православные под его гетманством могли взять верх над врагами и покорить его мудрой голове безумие чванливых». Пышный подарок – шапка – сможет держать «многоумную» гетманскую голову в покорности царю, сохранять в верности его вместе с войском.

Прощальная аудиенция состоялась 14 января 1654 года. И на этот раз гетман приехал к Бутурлину, а не наоборот. Он был в шапке и в ферязи. С ним прибыли Выговский и старшина. Хмельницкий заявил, что согласно присяге, он с

войском будет верно служить царю. И без банкетов и обедов незамедлительно выехал в Чигирин. В тот же день Бутурлин с товарищами направился в Киев и после двух ночевок появился на левом берегу Днепра.

Там их встретили киевские сотники с тысячей казаков под девятью хоругвями, а переехав реку, *«не доехав до городского вала, от Золотых Ворот версты с полторы, встретили они депутацию киевского духовенства: митрополита Сильвестра с владыкой Черниговским Зосимой и печерским архимандритом Иосифом Тризною с другими игуменами и наместниками монастырей»*. Митрополит Сильвестр (Косов) сказал приветственную речь, и все направилась в Софию Киевскую. Туда торжественно внесли все иконы и «царского Спаса». В церкви митрополит, облачившись в ризу, провозгласил многолетие царю. После этих торжественных обрядов Бутурлин, не сходя с места, спросил митрополита, по какой причине он, в отличие от гетмана, не присылал царю прошения принять его под царское покровительство и почему владыка не искал государевых милостей? Митрополит ответил, что о Богдановых прошениях не знал, а теперь считает своей обязанностью молиться Богу за царя и его семью. На этом порешили и успокоились, а Бутурлин отправился отдыхать на предоставленную квартиру.

На второй день приводили к присяге мещан и на третий – казаков: наказного полковника Василя Дворецкого, 7 сотников, 3 есаула, 2 писарей, 338 казаков. Но митрополичьих

и людей из Печерского монастыря не было, на что Бутурлин обиделся. Он послал к митрополиту стольника Кикина, а к архимандриту подъячего Плакидина с требованием отправить шляхту и слуг на принятие присяги Алексею Михайловичу. На что Сильвестр резонно заметил, что «они служат не Москве, а мне. Свободные люди, кому хотят, тому и присягают». В том же духе ответили и на Печерске. Царский посланник этого не ожидал, он с ужасом представил, как «московский тишайший владыка» станет его наказывать за частичное исполнение миссии, к тому же отказ иерарха приведет к затруднениям дальнейшего проведения присяги по всей Украине. Для Бутурлина, воспитанного в беспрекословном повиновении власти, отказ был просто невыносим. Поэтому он стал через своих дьяков убеждать митрополита и архимандрита, иерархов Руськой церкви, что им нужно стремиться к объединению православной церкви, а не вносить «розвратье». Посланник царя, с присущей московскому боярству спесью и хамством, приказал митрополиту немедленно для присяги прислать своих людей – *«чтобы Божьему и царскому делу не было никакой задержки»*. Владыка, как будто предчувствуя будущие притеснения украинской церкви, по-прежнему упорствовал. К нему направился дьяк Лопухин и начал вычитывать и угрожать Сильвестру: *«Если вы считаете, что правы, поезжайте к Бутурлину и объяснитесь!»*

Въезд Богдана Хмельницкого в Киев. Худ. И. Ивасюк, 1912 г.

Московский посол в Переяславе даже к самому гетману Богдану не ходил, чванливо оберегая свой авторитет. Сильвестр не поддался аргументам приезжего дьяка, который на него давил со всей присущей московской бюрократии твердолобой убежденностью, и отказался ехать к Бутурлину и скромно ответил: *«Знається пан с паном, а мое дело молиться за здоровье хозяина. Слуги – шляхтичи, они привыкли сами решать, кому присягать. Им по нашим законам и ко-*

роль не указ!» Лопухину осталось только наговорить владыке всяких резкостей, что он и сделал, после чего, не попросив положенного благословения, хлопнул дверью и ушел. Позднее сложившиеся исторические обстоятельства вынудили иерархов украинской церкви все-таки принять верховенство Москвы.

После Переяславской Рады Киев становится первым городом, жители которого присягают на верность далекому царю. По данным, опубликованным в «Архиве Юго-Западной Руси», их было всего 1460 человек. Учитывая, что гетман с первых соглашений разрешал московским стрельцам стоять только в Киеве, это вызвало некоторое глухое недовольство жителей и вскоре стало причиной вереницы конфликтов. Первое появление военных москвитов произошло в феврале 1654 года. Воеводам было строго приказано вести себя тихо, чтобы не настроить против себя население, всячески оказывать им ласку и при этом неустанно повторять, что они тут исключительно для обороны *«от польских и литовских людей»*. У киевлян еще был в памяти разгром города, учиненный войском Януша Радзвилла три года назад, и они были согласны с такой защитой. Воеводам было приказано, чтобы «черкасам» от московских людей не было никакого «задору» и кривд, а если случится, то их, стрельцов, карать немилосердно. А если виноват местный житель, то его судит воевода только по согласованию с бургомистром и с товарищами. О временах пребывания московского гарнизона напо-

минают нам улицы Рейтарская и Стрелецкая.

Особое значение имело строительство новой крепости, планы которой составлялись в Москве. Она должна была охранять Киев от «литвин и татар». Сообщалось, что после постройки крепости ключи хранить у воеводы, обязанного постоянно держать связь с гетманом для обеспечения защиты от внезапного нападения. Более татар боялись чумы – «страшной заразы», – поэтому на заставах бдительные сторожа выпытывали приезжих, всячески проверяя их документы и багаж. Тех, кто прибыл из мест, внушающих подозрение, в Киев пропускали, но в «приказной избе» долго расспрашивали: кто, по какой надобности, куда путь держит, тщательно проверяли документы. Московское правительство в данном случае можно было понять: их граница передвинулась ближе к Западу и к Ближнему Востоку, где в обилии болезни и много «злодеев», вечно замышляющих что-то плохое против царя-батюшки. Крестьяне, ушедшие с польско-литовской территории, поощрялись закреплением земли в вечное пользование. Им давали возможность поселения, но не вблизи границы. Мещанам помогали селиться в городах, учитывая их пожелания, шляхте и вольным разрешалось становиться казаками. А если родовитые люди захотят служить Москве, то оказывать содействие, но бдеть, чтобы среди них не было шпионов и предателей. Занимательно, что при этом в конце инструкции было указание служилым людям выполнять разведывательные функции: *«Находясь в*

Киеве, бояры-воеводы обязаны разузнать, где на черкасской территории были значительные владения короля, бискупов, ксендзов, панов и шляхтичей, какие города и местности, и кого поименно. Сколько в этих владениях крестьян и бобылей, какие с этих владений собирали налоги. Всё это выяснить и записать для отправки царю». В этом чувствуется желание Москвы прибрать к своим рукам все – и землю, и людей, и их имущество, не особенно считаясь с мнением гетмана и старшин.

Московскому гарнизону очень был по душе Киевский Софийский собор, и даже свой «острог» москвиты планировали строить вблизи храма. Категорически против выступил Сильвестр: *«Этому строению тут не бывать, а если начнете сооружать, то я буду с вами сражаться».* Тут воеводы заговорили о непристойности данных речей, и сразу же напомнили, как Косов не хотел присягать царю: *«Владыка, вы защищаете интересы Яна Казимира и хотите навлечь на себя гнев царя!»* Мужественный иерарх гневно ответил москвитам: *«Я не просился под царскую руку! Раньше я был под властью короля, а дальше буду под той, которую Бог даст. Не смотрите на начало, а ждите конца, увидите скоро, что с вами будет».* Воеводы, сказав, что митрополит им не указ и они будут строить крепость, где им вздумается, ушли. Потом в этот спор вовлекли старшину и гетмана. Но наши хитроумные земляки сумели повернуть дело по-своему. Когда причина спора дошла до Алексея Михайловича, он узнал,

что суть конфликта в том, что Богдан Хмельницкий и Сильвестр Косов не хотят на святой древней киевской земле ничего строить, чтобы не ворошить кости предков царской династии. Государь прислал письмо: *«Ты, гетман, писал к воеводам, чтобы на том месте острога не ставить, потому, что тут земля митрополичья – Софийская и святых церквей, и пошлешь о том к нам, Великому Государю гонца вскоре, что прав церковных и дарения православных князей ломать нельзя. Чаете того, что мы, Великий Государь, не токмо имели бы что отнять, но еще и над существующим прибавить велим»*. Тут явно прослеживаются корни будущих притеснений – не успели воеводы прибыть в Киев, как грубо обидели владыку. Теперь сам царь вынужден писать гетману, успокаивать митрополита, чтобы «он о том не оскорблялся».

В то время на нашей земле бытовало и утвердилось мнение, что «при ком Киев – при том в вечном подданстве быть». Особое значение Киева, как духовного центра, подтверждают условия Андрусовского перемирия, по которому «Киевский треугольник» отходит к Москве. Граница между государствами на правом берегу, который оставался за Польшей, проходила по р. Ирпень и так называемым Змиевым валам в районе с. Мытница. Поощрялось поселение греков, которые стали организовывать сады и посылать ко двору Алексея Михайловича грецкие орехи и вишни. В 1663 году епископ Мефодий писал царю: *«В Киеве малоллюдно, а город*

большой».

Давно замечено, что именно благодаря оборонительным войнам Московское княжество разрослось до размеров Российской империи!

Сильвестр Косов

Сильвестр, митрополит Киевский, родился в православной семье, в своем наследственном имении Жировицах, что в Витебском воеводстве, в конце XVI века. Окончил курс наук в Киевской Братской Богоявленской школе и принял постриг в Киево-Печерском монастыре. Петром Могилою, с согласия митрополита Иова Борецкого, отправлен с группой молодых людей за границу для получения образования. По возвращении в 1631 году стал преподавателем Киевской коллегии. Через два года Петр Могила назначил Сильвестра епископом на Мстиславскую кафедру. В первый же год он издал два замечательных сочинения на польском языке: «Сказание, или справа о школах киевских и винницких», в котором защищает православные школы от нападок униатов, и «Патерик, или Жития святых отец печерских». Оно появилось и на русском языке. Сильвестр ревностно защищал православие в новой епархии, в чем встречал сильное противодействие. После смерти Петра Могилы Сильвестр 25 февраля 1647 года единогласно был избран Киевским митрополитом, и с самого начала поддержал выступление казачества во главе с Богданом Хмельницким, приветствовал их победы торжественной службой в Софийском соборе. Следует заметить, что митрополит неоднократно участвовал в переговорах польских эмиссаров с казаками. В те грозные годы соб-

ственность Киевской коллегии была разграблена, нуждалась в средствах к существованию, и митрополит Сильвестр заботился о ней. Он отправил в Москву по просьбе царя для перевода священные книги, *«для справки библии греческие на славянскую речь»*, в 1649 году ученых монахов Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского. Митрополит вместе с ректором Иннокентием Гизелем и находившимся в то время в Киеве патриархом Иерусалимским Паисием письменно просил царя Алексея Михайловича не оставлять без своего милостивого попечения коллегии, и разрешить монахам Киево-Братского монастыря приезжать в Москву за сбором подаяний. Царь дал грамоту, в которой без ограничений дозволялось монастырской братии приезжать в Московию за сбором подаяний; причем щедро наградил и монастырь и митрополита. В то же время Сильвестр обратился к православным епископам и магнатам с просьбой о пожертвовании на нужды коллегии. На этот призыв митрополита откликнулся и Богдан Хмельницкий.

Митрополит Сильвестр (Косов)

О натянутых отношениях митрополита Сильвестра с посланниками Москвы было уже сказано. Опасаясь столкновения московских бояр с Киевским митрополитом, царь писал Хмельницкому в грамоте от 27 марта и требовал прибытия митрополита в Москву, чтобы он «*в том деле дал о себе исправленье*». Но, одумавшись, через три дня государь писал воеводам в Киев: «*Митрополиту Сильвестру и иных монастырей архимандритам и игуменам и всяких чинов людям, у которых земля их отойдет под город, скажите, чтоб митрополит о земле, которая у него взята под город, не оскорблялся; по нашему указу, вместо тех земель велено им дать из иных земель*». Гетман вступился за митрополита. И когда киевское духовенство отправляло в июле 1654 года посольство к царю с просьбой об оставлении его в подчинении Константинопольскому патриарху и о подтверждении других прав и привилегий, гетман снабдил послов своими грамотами к царю, в которых оправдывал митрополита и его окружение в их поступках и просил оказать им милость. Что и было с «царской щедростью» на пожелания и повеления проявлено.

Попытка оставить Киевскую митрополию в подчинении Константинопольского патриарха, то есть независимой от Москвы, не увенчалась успехом, несмотря на хлопоты Сильвестра Косова. Такой образ действий Киевского митрополи-

та вызвал недовольство патриарха Никона, и Богдан Хмельницкий защищал митрополита перед патриархом в письмах к нему. Митрополит Сильвестр скончался 13 апреля 1657 года. В Киево-Могилянской коллегии составили в память о нем обширный панегирик под заглавием: *«Столи цнот знаменитых к Богу зешлого ясне превелебного, его милости, отца Сильвестра Косова, архиепископа митрополита Киевского, Галицкого и всея России, в коллегии брата в Киевско-Могиленском выставленный, ясне превелебному в его милости, отцу Дионисию Балабану, архиепископу митрополиту Киевскому, Галицкому и всея России от того ж коллеgium дедикованный 1658 г., януария 30»*.

Для характеристики взглядов, которых придерживался Сильвестр в своей деятельности на политическом поприще, следует отметить тот факт, что митрополит не оказал содействия посланцам царя в поимке самозванца Тимошки Акундинова, появившегося в Украине около 1650 года. Когда последний был в Киеве, то митрополит с киевским воеводой приняли его у себя и через несколько дней отпустили, несмотря на то, что московские поверенные просили и митрополита, и воеводу Киселя указать им местопребывание самозванца и помочь схватить его.

* * *

Об этом историческом персонаже, мелькавшем на Украи-

не, более столетия не вспоминали, поэтому для полноты картины той эпохи я счел нужным напомнить о нем.

Тимофей, или, как тогда писали, Тимошка, сын Акундинов, родился в 1617 году в Вологде. Его отец Демид Акундинов, бывший стрелецкий десятник, торговал холстом. Мальчик отлично пел, потому его определили в певчие Вологодского епископа Варсонофия. Владыка, выделивший смышленого мальчишку, обучил его грамоте и греческому языку. В судьбе юного Тимофея приняли участие и другие известные люди Вологды – воевода князь Львов обучил мальчика латыни, а дьяк канцелярии Патрикеев взял его на службу. Когда в семье Акундиновых случилась беда – в пожаре сгорели и дом, и лавка с товаром – на помощь пришел епископ Варсонофий, приютивший семью погорельцев в своем доме. А вскоре он выдал замуж за Тимофея свою внучатую племянницу Татьяну, дав богатое приданное. Татьяна и Тимофей жили дружно. У них родился сын, а потом дочь. Родственники были рады за молодую семью, а воевода и дьяк были довольны служебными успехами Акундинова-младшего. В конце 1630-х годов Патрикеев (кстати, крестный отец Татьяны Акундиновой) назначается на должность дьяка в приказ Новой чети (так в 1619–1880 годах называли Кабацкий приказ). Он ведал сборами с питейных заведений Москвы и других городов, борьбой с корчемством. Нужно сказать, что для провинциального дьяка стать вторым человеком в приказе (начальными людьми там были бояре) – повышение

по службе изрядное. Если мерить должность современными мерками, то Патрикеев стал первым заместителем министра. Перебравшись на новое место службы, он берет с собой и своего вологодского протеже, сделав его средним, а потом и старшим подьячим. Опять-таки, если перевести должность в современную «табель о рангах», то Тимофей Акундинов становится начальником департамента (или управления) министерства. Получить такую должность в двадцать пять лет даже сегодня – предел мечтаний! А жалованье составляло тридцать рублей в год! Если учесть, что ремесленник получал в день одну копейку (стоимость сотни яиц, пары кур или четверти ведра водки), то совсем даже неплохо. Вот только увлекся Тимофей азартной игрой в кости... Как результат – проиграл жалованье, влез в долги. Чтобы отыгаться, «одолжил» у друга жемчужное ожерелье, взял в приказе казенные деньги. Потом продал всё приданое жены, включая дом. Недовольная жена пообещала пожаловаться на него крестному. Ну, а дальше... «Сердобольный» Тимошка отводит детей к соседям, а сам запирает жену в доме и сжигает ее живьем. Эта жуткая история, скорее всего, была придумана в Москве для того, чтобы опорочить Самозванца Тимошку... Прихватив с собой друга и собутыльника Костьку Конюхова, Тимофей бежит из Москвы. Но скрывается он почему-то не на Дону или в Запорожской Сечи, где прятались все беглые, а в Польше, у короля Владислава, которого бояре в 1610 году выбрали царем Московским. Живет Тимошка там три

года, называя себя Иоанном Каразейским, наместником Вологодским и Великопермским. И может быть, жил бы себе припеваючи и дальше, но решил назваться сыном покойного царя Василия Шуйского. Видно, окружение короля его надоумило. Не учел он только одного – в Москве побаивались самозванцев. Тем более таких, которые в Польше выдавали себя за царских детей. Уже был печальный опыт... И в дело включилась специальная служба Посольского приказа, которая позже станет Приказом тайных дел, прототипом современной контрразведки. «Посольские псы», как их называли, напав на след, жертву уже не упускали... Тимофею пришлось спешно бежать. Вначале он оказался в Молдавии, у господаря Василия Лупы. Но тот, не желая связываться со злопамятной Московией, переправил нежданного «царевича» в Турцию. Изначально там приняли беглеца ласково. Еще бы! Османская империя, находившаяся не в самых лучших отношениях с Московией, была не против иметь возле себя царского сына. Однако турки неплохо разбирались в кремлевских интригах и потому стали задавать «неудобные» вопросы: как же так случилось, что у бездетного Василия Шуйского оказался сын? И почему «сыну», по мнению врачей, лет двадцать семь – тридцать, а должно быть уже под сорок? В конце концов, не мудрствуя лукаво, Тимошку решили казнить. Но он моментально раскаялся и изъявил горячее желание принять ислам... Это вызвало умиление, поэтому «Лжеиоанна» простили и устроили обряд принятия веры

в виде обрезания крайней плоти... «Новообращенному» нашли кров, приставили к нему учителя и даже пристроили на службу. Казалось – живи и радуйся. Но он умудрился пробраться в чужой гарем, обольстить чью-то жену, за что вновь был приговорен к казни. Ждать смерти Тимофея поместили в башню вместе с такими же бедолагами. Казалось, ничто не может его спасти.

Но Акундинов каким-то чудом сумел связаться с православными сербами, убедить их в том, что «злые басурмане» держат в плену православного царевича. Сербы, которые всегда с благоговением относились к Московии, сумели выкупить «безвинного страдальца» у караульных и переправить в Сербию... Там Тимофей изображал из себя московского царя в изгнании, давал советы, наставления и в конечном итоге изрядно всем надоел. А тут еще и появление «посольских псов», которые шли по пятам... Сербы, щедро одарив «Иоанна», отправили его в Италию. В Италии Тимофей первым делом отправился к самому Папе. Его Святейшество благосклонно выслушал рассказ и милостиво разрешил облобызать свою туфлю, но признать официально Джованни Каразейского царевичем отказался. Не помогло и клятвенное обещание перекрестить всех православных схизматиков в истинную католическую веру в благодарность за помощь Ватикана. Чтобы улестить Папу, Тимофей сам принял католичество. Однако и Папа, и кардиналы оказались непреклонны. Единственное, чего удалось добиться Тимохе – это полу-

читать от Ватикана грамоту, согласно которой он назначался уполномоченным по обращению в католичество... запорожских казаков! Далее путь Тимофея лежал к гетману Богдану Хмельницкому. Гетман, который в тот момент размышлял, к кому бы ему податься – к султану, царю или королю, встретил самозванца благосклонно. Было не важно, царевич он или нет, но в любом случае можно попридержать Иоанна Каразейского-Шуйского для смягчения Алексея Михайловича... Но вот незадача: и у гетмана появились «посольские», которые потребовали выдачи Акундинова.

Гетман оказался в сложной ситуации. С одной стороны, выдать самозванца означало нарушить заповедь *«с Дона да с Сечи выдачи нет»*. С другой – ссориться с царем, который поставлял казакам оружие и порох по льготной цене, тоже не хотелось... Посему гетман принял соломоново решение – отправил Акундинова своим посланником к князю Трансильвании Георгию Ракоци – склонять того к союзу против польского короля. В Трансильвании Акундинов подружился с князем, но, увы, помочь тот ничем не мог. Тогда, получив от Ракоци грамоту о дипломатическом иммунитете, Тимофей отправляется в Швецию, где правила юная и очень мудрая королева Христиана Августа. В приграничной полосе его дважды арестовывали и дважды едва не выдали москвитам. Однако самозванцу везло, и Тимошка добрался до Стокгольма, где стал фаворитом самой королевы и доверенным лицом ее правой руки – канцлера Акселя Оксеншер-

на. Но шведский парламент и слышать не хотел о каком-то московском царевиче, а уж тем более о тратах денег на войну с Московией, тогда не имевшей выхода к внутреннему Шведскому (Балтийскому) морю. Не помогло и то, что Тимофей принял лютеранство – их государственную религию. Напротив – это оказалось ошибкой, потому что королева была поклонницей католичества. А тут еще в Стокгольм явился дьяк Посольского приказа, которому было поручено подписать выгодные для Швеции торговые соглашения при условии, что королевство выдаст самозванца... Словом, Акундинову вновь пришлось бежать. Он вдоволь поездил по Европе, покуролесил в немецких княжествах, стал протестантом и даже сподобился составить автобиографию («царя-философа»), на основании которой о деяниях «Иоанна» была написана книга! Решив немного отдохнуть, Тимофей отправился в Голштинию, завел знакомство с герцогом Фридрихом (прапрадедом будущего российского императора Петра III). Там удача от него отвернулась. Фридрих, будучи прагматичным человеком, согласился выдать Акундинова московским властям взамен торговых льгот для голштинских купцов. Тимофея Акундинова доставили в Москву и подвергли допросу с пристрастием. Но даже на дыбе Акундинов не уставал повторять, что он законный царь. Ему устроили очные ставки с друзьями, родственниками (в том числе с матерью и сыном!), но он продолжал упорствовать. В декабре 1653 года Тимофей Акундинов был четвертован. Голова была выставлена на

Лобном месте, а части тела развезены по городам. Левая рука была отправлена в Вологду, откуда и был Тимошка...

Алексей Михайлович – первый царь для киевлян

В советских исторических книгах, пережевывая события до и после Переяславской Рады, не вспоминали, что боярин Бутурлин подписывать соглашения с Богданом Хмельницким был послан государем. Московский царь Алексей Михайлович играл в тех событиях главенствующую роль, совершенно забытую дореволюционными историками и сознательно не упоминаемую современными исследователями.

Царь Алексей Михайлович в истории остался под прозвищем Тишайший, что на первый взгляд кажется абсурдным. Московское царство при нем сотрясали многочисленные бунты, произошел самый крупный раскол в православии, постоянно велись войны, где он как командующий принимал участие. А этот эпитет он получил за свой характер – добрый, незлопамятный, временами мягкий. Он отличался невероятной набожностью, самым большим его увлечением было звонить в колокола. Такой себе «царь-звонарь». Всем своим поведением и степенным видом он являл собой идеал правителя – хранителя устоев и традиций, ревностного христианина. С детства ему привили любовь к чтению, и его считают первым московским государем, начавшим писать письма без помощи дьяка. Хотя и Иван Грозный любил витийствовать в письмах, но чаще диктовал. Алексей Михайлович

сочинял вирши, а долгие часы, проведенные с книгой, сделали его одним из образованнейших людей своего времени.

Парсуна царя Алексея Михайлови

В последнее столетие сложилось мнение, что читателя, а впоследствии и телезрителя, больше всего интересует интимная жизнь монархов. Мне кажется, в этом кроется недопонимание исторических процессов. Государи всех времен и народов, всё равно, коронованные или узурпаторы, относились к своим подданным как неверные мужья к супругам. Таким, и скорее и единственным, не был Алексей Михайлович. Он верно и преданно любил свой народ, поэтому с ним и решил заключить договор славный Богдан. Остальные владыки к своим подданным относились как к любовницам, а то и шлюхам – обманывали, изменяли, не платили, а то и продавали на сторону. Вот откуда корни современной российской политики, где всегда присутствуют ложь и алчность!

Богдан Хмельницкий 25 апреля 1654 года направляет киевскому магистрату свою рекомендацию в виде прошения московскому царю: *«Жители города Киева очень обрадовались, что святые места наших преподобных отцов печерских и особенно Богохранимый город Киев, сбросив с себя тяжелое иго неволи короля польского, под крепкую и высокую руку благочестивого государя, твоего Царского Величества, поддались и на твою превеликую ласку себя отдали. Большое благодарение Богу, бьют они челом и тебе, очень утешаясь тем, что наделил правами нас и весь мир христианский. Теперь же посылаем посланцев своих, мещан киевских*

к пресветлому лицу твоему с просьбой, чтобы ты указал им милостиво пожаловать права, привилегии и вольности их стародавние, веками им данные от благочестивых князей и господ русских, и от королей польских, подтвердить и при всех судах и вольностях право магдебургское оставить, как впервые мы имели за короля польского. За это и мы, Богдана Хмельницкого и всё Войско Запорожское умалюем и за них хлопочем и просим: пожалуй всех милостивыми щедротами своими – чтобы все города и граждане и весь мир христианский с этого тешился, к тебе стремился и готов был верно служить и много доброго хотел. И при сем твоему Царскому Величеству желаем многих лет и благополучия, чтобы на всех неприятелей своих, как на львов, василисков и аспидов наступал и попирал, Господа молимо».

Подготовив это письмо, магистрат отправил в Москву делегацию киевлян, состоявшую из войта Богдана Сомковича, райца, двух лавников и одного цехмастера. В Москве они в иностранном приказе о цели своего приезда заявили: «Приехали к царю просить жалованных грамот на давние свои привилегии, на земли, что отобрали насильством от войта, бургомистра и мещан шляхта, ксендзы для своих кляшторов, а теперь этими землями владеют казаки. А эти владения достались городу еще от князей руських и королей литовских». Алексей Михайлович был на войне, а правил за него князь Пронский, который переслал челобитную царю и ждал указаний. Тут и выяснилась важная деталь, что москов-

ского царя просили принять «под свою руку Богдан Хмельницкий и Войско Запорожское», а вот киевляне не обращались с такой просьбой. И это было главным, даже многомудрые дьяки-московиты не могли понять, как быть с городами, селениями и всей Руськой землей по обе стороны Днепра – к Москве просилось войско, а не посполитые, то есть жители. Важно было и то, что забирать городское имущество приходилось у казаков, которые экспроприировали его у католиков. К тому же, согласно всем существующим до этого правилам, проживание казаков в городах было нежелательным. Но московские дьяки, поднаторевшие в бюрократических вывертах, обошли все «закавыки», и делегация вернулась домой удовлетворенная, хотя не без огорчений: оригиналы царских грамот Киеву остались в Москве, а войт с товарищами уехали с копиями, заверенными вислыми печатями. Так велел Алексей Михайлович.

Остановимся на некоторых привилегиях, которые от Алексея Михайловича получили киевские мещане. Их освободили от всех податей (подымного и чопового) на 10 лет; у них, согласно Магдебургскому праву, которое осталось за городом, сохраняется судебный иммунитет; пошлину с приезжих купцов собирает магистрат, а установленную часть передает воеводам; право беспошлинной торговли за киевлянами остается, но в пределах «черкасских городов». С городских доходов киевляне обязаны были отдавать воеводе 3 тыс. золотых. Депутация просила отсрочки выплат на 10 лет, но

бояре отказали. Киевляне захотели возвращения окрестных сел от казаков, которые в свою очередь забрали их от ксендзов и шляхты. Киеву эти села были отданы русскими князьями *«триста лет тому»*. Вот они: Дымер, Демидово, Козаровичи, Глебовка, Ясногородка, Холм, Туровче, Мокрец, Петровцы, Приорка, Мостыщи, Креничи, Крюковщина, Выгуровщина, Рожевка, Сырец-речка и Котыр-речка с мельницей. Так как подтверждающих документов в наличии не оказалось, то и тут бояре им отказали. Тогда выборные стали выпрашивать хотя бы Котыр-речку, которая была во владении киевского полковника. Бояре положили резолюции: *«Как служба минет, тогда государев указ будет, а ныне для выполнения службы полковника оскорбить нельзя»*. И тут был применен лозунг: *«Разделяй и властвуй!»*, столкнувший лбами новых подданных – мещан и казаков. Ведь правительству приходилось считаться с фактической государственностью Казацкой Украины, при этом царь, бояре и дьяки не хотели забывать, что в свое время это были Киевское и Черниговское княжества, которые в «белокаменной» считались вотчинами правящей династии. Это вносило определенную двойственность в государственно-правовую сторону объединения Украины с Москвой, превращая новые земли в простую провинцию царства.

О тяжелой внутренней обстановке Московского государства свидетельствует бессмысленный Медный бунт 1662 года, произошедший по причине обесценивания медных мо-

нет по сравнению с серебрянными; расцвет фальшивомонетничества, всеобщей ненависти к власти. Толпа разгромила дом купца Шорина, собиравшего «пятую деньгу» во всем государстве. Несколько тысяч человек отправились к Алексею Михайловичу в Коломенское, окружили царя, а когда тот дал слово расследовать дело, один из толпы бил с царем всея Руси по рукам. Но появилась новая толпа, настроенная более агрессивно и требовавшая выдать «изменников на расправу». Тогда стрельцы и солдаты по приказу царя атаковали угрожавшую ему толпу, загнали ее в реку и большинство людей перебили, часть взяли в плен, из которых полторы сотни повесили. Остальных били кнутом, пытали, *«по сыску за вину отсекали руки и ноги, и у рук, и у ног пальцы»*, клеймили и сослали на окраины государства на вечное поселение. В 1663 году, по царскому указу, медного дела дворы в Новгороде и Пскове были закрыты, а в Москве была возобновлена чеканка серебряной монеты.

Киев во второй половине XVII века

Богдан Хмельницкий всюду подчеркивал свое единство с Москвою. Так, осенью 1655 года, осаждая Львов, он требовал от жителей принести присягу Алексею Михайловичу. В XIX веке существовала легенда, что двуглавого орла на главном куполе Михайловского собора в 1655 году укрепили по повелению гетмана Богдана, который не преминул об этом сообщить царю, одарившего монастырь рядом сел. Алексей Михайлович для обитателей ничего не жалел, тем более это были не его земли, а каких-то поляков.

Постоянные жалобы на постой воевод с гарнизоном и другие притеснения, часто граничащие с грабежами, продолжались беспрерывно почти полстолетия. Гетман Брюховецкий, заручившись согласием Москвы, 5 июля 1663 года писал, что виновных *«в кривде мещан киевских... будут сурово горлом карати»*, что в переводе на современный язык означает отрубать головы. Но разве это пустяшное наказание могло остановить воюющих? Поэтому через несколько лет при избрании гетманом Демьяна Многогрешного киевляне вновь обратились к Алексею Михайловичу и выпросили следующие привилегии: 1) не давать подорожным телеги; 2) ослон и их слуг кормить с казны; 3) сенокосы, ловы оставить им;

4) ратные люди свой скот должны держать в крепости, а не у мещан; 5) прекратить принудительные работы мещан; 6) мещан судит ратуша, а не воевода; 7) мещанам торговать на Подоле, ратным людям в крепости. Но самой впечатляющей льготой, по свидетельству «Летописи Самовидца», была следующая: по грамоте царя в 1660 году евреи, армяне и поляки были удалены из города, что им, естественно, не понравилось. Эти народности-конкуренты стали настойчиво требовать отмены этого указа. Но вопли киевлян по этому и другим вопросам не прекращались. В конце концов, то ли они успокоились, то ли... Скорее всего, Москва перестала на них обращать внимание. Основная борьба между мещанами и поселившимися в городе богатыми казаками шла за возможность «*шинкования горилкою*». Наконец-то гетманская власть вспомнила, что у них, кроме служилых, есть еще и другие подданные – горожане. Она стала оказывать и им внимание, увеличивая поборы.

Зависимый от новой власти, Киев сохранил свое самоопределение, пользуясь Магдебургским правом, полученным от литовских князей, подтверждаемым королями и царями. Коренное население города выбирало среди своих войта и членов магистрата, которые управляли городом. Магистрат имел раду, управляющую делами административными, хозяйственными и судебными гражданского порядка, и лаву. Она вела дела уголовные и имела право наказывать виновных вплоть до отсечения головы. Должности войта, «рай-

цев» и лавников были пожизненными. Мещане имели большие льготы. Они были освобождены от военной службы, а для охраны города формировали милицию – пешую и конную (Золотая корогва) с ружьями и пушками. В торговых делах их совсем не облагали пошлиной. Мещане устраивали в городе склады товаров, вели торговлю, организовывали ярмарки, гнали водку, благо вокруг были сады, поставляющие сырье и открывали шинки. Последнее приносило наибольшую прибыль городу, поэтому круто пресекались попытки чужаков пристроиться к этому промыслу.

Ремесленники имели свою организацию, разделялись на цехи, деятельность которых обеспечивалась различными привилегиями по сравнению с «портачами» (*a parte*), не принятыми в цехи. Цехов было около 15, точнее не определить из-за их постоянной трансформации. Один из них, швейный, существовавший с 1608 года, закрылся благодаря комсомольцам в 1924 году, а остальные – ранее, с развитием капитализма. Юридически защищенные цехи имели свои хоругви, кенотафы (или ипоклити) – пышно украшенные гробы для похоронных процессий особо отличившихся покойников, печатки и знаки. Автономию города никто не нарушал, даже гетманы, хотя один из полков носил название Киевского. Его территорию составляли поселения за пределами города, а полковым городом был Козелец. Киев был сотенным городом, а казаков в нем было мало, проживали они на Куреневке. Не подчинялось магистрату и духовенство, осо-

бенно Печерская обитель, жившая своими уставами.

Несмотря на пограничное расположение и частые разрушения, Киев в описываемый период прославился благосостоянием и даже роскошью жителей. Славящийся велеречивостью поп-старовер Иван Лукьянов в 1705 году восклицал: *«В Киеве монастырей и около Киева зело много, и пустынки есть. Райские места! Есть где погулять! Везде сады, винограды, и по диким местам все сады. На Подоле строение узорочное: тщательны лихоманы хохлы»*. Киев занимал незначительную часть современного центра города и состоял из трех разрозненных частей: Старого Киева, Подола и Печерска. Между ними лежали поля, леса и яры. Были и предместья, где обитали ремесленники (Гончары, Кожемяки), казаки (Куреневка) и слободы, где жили крестьяне, приписанные к монастырям. Главным и наиболее заселенным местом торговли и ремесел, где находился магистрат, был Подол. Он соединялся с Левобережьем дорогой, начинавшейся от Свято-Духовских ворот и ведущей до мостика через Почайну на остров, а с него на большой мост через Днепр. Его построили московские «ратные люди», что затрагивало интересы магистрата, берущего деньги за перевоз. В Старом Киеве с использованием древних валов была сооружена крепость, где жили воеводы с «ратными людьми» – стрельцами и рейтарами, имевшими свои слободы. На территории Софийского монастыря была резиденция киевского митрополита. Печерск считался средоточием религиозной жизни.

Н. Закревский приводит «Роспись Киева», выполненную «Приказной избой» в 1682 году. Она очень пространная, с подробным описанием каждого сооружения, поэтому приведу лишь фрагменты: *«Град Киев на высоких горах над рекою Днепр, основание земляной вал кругом»*. Ниже идет описание: *«В меньшом Городе церкви каменные Рождества Пресвятой Богородицы, Десятинная, трапеза деревянная. В житном дворе церковь каменная ветхая, во имя трех Святителей: Василия Великого, Григория Богослова, Ивана Златоустого. На том же дворе с хлебными запасами 9 амбаров больших, 3 малых и 2 амбара с солью. Приказная изба. Около нее 6 погребов с выходами каменными, в том числе у одного погреба выход выкладен дерном, с денежной и с зеленой (пороховой) казной и 3 гранаты, 4 амбара больших, где устроены пушки и ружье. 4 колодца, глубиной 8, 9, 10 сажен. 3 двора, где ставятся бояре и окольные, и воеводы. 2 двора, где ставятся дьяки... Против колодца Крещатика калитка, что ходят к малому Городку, что на Печерской Горе... Золотые проезжие ворота с подъемным мостом. У Золотых же ворот промеж каменных стен проезжие ворота, да сверху вставлена железная большая решетка... в Золотые ворота ездят к реке Лыбеди... Львовские проезжие ворота. Перед воротами за рвом вывод, вверху решетка большая железная... Дворы: Киево-Печерского монастыря, дан ему (в 1675 году) для осадного времени. 10 дворов, где стоят генерал-майор, стольники, полковники и подполковники.*

Двор, где делают зелень (порох) и фитили; кружечный двор. Почтовый двор, на нем 41 лошадь. Мельница ветреная. У начальных людей 33 двора, у подъячих 8 дворов, у рейтар 82, у жилых стрельцов 129, у солдат 86 дворов... Киев Нижний Город, где киевский войт и мещане живут, от Киселевой горы до Крещатикской башни, по мере по осыпи и острогу кругом 1530 сажень с полусаженью; а огорожа острог, а инде забрало и забор досками. В том Нижнем Городе Кожемяцкие ворота к Щекавицкой горе, Ерданские ворота, ездят к Ерданскому и Кирилловскому монастырям... В Киеве в Нижнем Городе и в Кожемяцкой слободе мещанских и казацких 635 дворов. На пристани на берегу Днепра 3 паромов перевозных. В прошлом году через реку Днепр и Черторию и на заливах наведен был мост на 96 байдарках и 39 плотах. Мост в длину 552 сажени, а в ширину 4 сажени... Киевопечерский монастырь и Местечко на высоких горах. От Киевского большого города и вала, от ворот, что словут Печерские, к Печерскому монастырю до каменного столба, что против Николаевского пустынного монастыря по мере 880 сажень. Каменный столб стоит посреди поля, на нем образ Святителя Христова Николая Чудотворца. От столба до башни, что слывет Киевской, 440 дорогою сажень. Пред Печерским местечком посад, где живут Печерского монастыря и других подданные, которые от воинских людей из деревень и из сел сбегав, поселились».

Тогда в Киеве появилось каменное здание магистрата, об-

ращенное передним фасадом к Братскому монастырю, другим главным входом – к Успенской церкви, с башней и галереей на втором этаже, большой статуей Фемиды с мечом в одной руке и весами в другой. Особенно поражало гостей города медное рельефное изображение герба – архангела Михаила – который был устроен на часах башни. Во время боя фигура ударяла стальным копьём в кремнистую пасть змея, от чего сыпались из нее искры, а над часами, вокруг карниза башни, была надпись золочеными буквами: «Богом храним град Киев». Здание это сгорело 9 июня 1811 года во время пожара.

Так как в книге далее будет много о Могилянской академии, то напомним о возникшем в 1615 году Киевском братстве – национально-религиозной общественной организации. Братчики организовали коллегию, которая располагалась в Киево-Богоявленском Братском монастыре.

* * *

Смерть Богдана Хмельницкого в Субботове 27 июля 1657 года привела к охлаждению отношений между Московией и Украиной. Через три месяца гетманом стал Иван Выговский, которому присутствие воевод в украинских городах было явно не по нутру. Поэтому 6 сентября в Гадяче был подписан трактат с польским правительством о вхождении казацкой державы в состав Речи Посполитой – Великого княжества

Киевского (Киевское, Черниговское и Брацлавское воеводства) на федеративных началах, но при сохранении гетманского правления. Церковная уния на этой территории не разрешалась, а православные уравнивались в своих правах с католиками. Автором этого проекта был Юрий Немирич. Гнев царя из-за потери Киева и Украины был страшным, но войска, отправленные на усмирение гетмана и старшин, терпели неудачу за неудачей. Особенно страшное поражение случилось у московитов 29 июня 1659 года под Конотопом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.